

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77

НОВЫЕ ГРАНИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА – ПРЕЗЕНТАЦИИ МОНОГРАФИИ «ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ... К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР» В ЦЕНТРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, 14 ФЕВРАЛЯ 2024 Г.)¹

Беспятова Е. Б.¹, Лазарева Л. Н.², Маслов Д. В.^{1,2,3}, Суханова Н. И.², Шашкова О. А.³

¹ МИРЭА – Российский технологический университет

119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 78, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

³ Российский государственный архив литературы и искусства

125212, г. Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представлены результаты новейших исследований проблематики советского этапа догоняющей модернизации.

Процедура и методы. Исследование фундировано репрезентативной источниковой базой, позволяющей выявить различные грани развития СССР: от генезиса и трансформации экономической модели до дискуссионных аспектов национальной и культурной политики, а также наметить иерархию факторов, внёсших свой вклад в распад страны. использованы историко-генетический и проблемно-хронологические методы. Изучение причин распада СССР опиралось на методы классификации и выстраивания иерархии.

Результаты. Изучение особенностей политики коренизации как части национальной политики большевиков, направленной на формирование советской политической нации, позволило исследователю сделать вывод о сочетании позитивных и негативных её последствий как для 1920–1930-х гг., так и для всей последующей истории СССР. «Сталинская» экономическая модель, успешно решившая задачу модернизационного рывка, подвергалась критике современников и нуждалась в системной корректировке. На основании материалов XVIII съезда ВКП(б), XVIII партийной конференции и XVIII Пленума ЦК ВКП(б) можно говорить о сформировавшемся к началу 1940-х гг. запросе на корректировку сложившегося хозяйственного механизма. Анализ на широкой источниковой базе впервые вовлекаемых в научный оборот архивных документов дал возможность продемонстрировать механизм решения экономических задач, тесно сопряжённых с проблемами культурного развития, подтвердив, что эвакуация промышленности, целого ряда учреждений культуры и науки на восток, и в т. ч. в Казахстан, стала причиной ускоренной индустриализации региона и одновременно базой для появления новых литературных жанров, обогащения театрального искусства и в особенности развития киноискусства.

Анализ проекта Программы ВКП(б) 1947 г. позволяет, вычленив нерешённые проблемы взаимодействия личности с государством, рассматривать их в качестве важного фактора, влиявшего на дальнейшее развитие страны.

Решение вопроса о соотношении причин распада СССР по их значимости за прошедшие более чем 30 лет не является стабильным. Оно меняется в результате обновления источниковой

© СС ВУ Беспятова Е. Б., Лазарева Л. Н., Маслов Д. В., Суханова Н. И., Шашкова О. А., 2024.

¹ Тексты публикуются в авторской редакции. Ответственная за публикацию Л. Н. Лазарева.

базы, но чаще как следствие трансформирующейся общественно-политической ситуации и новых трендов в самой науке¹.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение генезиса и эволюции советской социально-экономической системы, проблем национальной и культурной политики, иерархии факторов распада СССР на принципах объективности и историзма с привлечением широкого круга источников углубляет понимание сильных и слабых сторон отечественной догоняющей модернизации и вносит важный вклад в анализ соотношения факторов тех или иных исторически значимых процессов.

Ключевые слова: «сталинская» экономическая модель, третий 5-летний план, материалы XVIII съезда, стенограммы XVIII партийной конференции, XVIII Пленума ЦК ВКП(б), Казахская ССР, экономический рост, Великая Отечественная война, культура, театры, дома народного творчества, литература, ЦОКС, кинематограф, великодержавный шовинизм, СССР, национальная политика, большевики, политика коренизации, местный национализм, централизация, причины, факторы, распад СССР, соотношение

Благодарности. В феврале 2024 г. в Центре социально-политической истории (филиале Государственной публичной исторической библиотеки России) состоялась международная конференция «Новые грани актуальных проблем новейшей истории», в рамках которой прошла презентация коллективной монографии «Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР». Инициатива проведения конференции принадлежит Государственной публичной исторической библиотеке, Государственному университету просвещения и Саратовскому государственному университету генетики, биотехнологии и инженерии им. Н. И. Вавилова. Участники мероприятия выражают искреннюю признательность сотрудникам Центра социально-политической истории Е. Н. Струковой, И. С. Кучанову, И. Ю. Новиченко.

NEW FACETS OF TOPICAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY HISTORY (MATERIALS OF THE ROUND TABLE – PRESENTATIONS OF THE MONOGRAPH “LEAFING THROUGH THE PAGES OF HISTORY... TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR” IN THE CENTER OF SOCIO-POLITICAL HISTORY, FEBRUARY 14, 2024)

E. Bespyatova¹, L. Lazareva², D. Maslov^{1,2,3}, N. Sukhanova², O. Shashkova³

¹ MIREA – Russian Technological University
prospect Vernadskogo 78, Moscow 119454, Russian Federation

² Federal State University of Education
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

³ Russian State Archives of Literature and Art
ul. Vyborgskaya 3-2, Moscow 125212, Russian Federation

Abstract

Aim. To present the results of the latest research into the problems of the Soviet stage of catch-up modernization.

Methodology. The study is based on a representative source base that allows us to identify various facets of the development of the USSR: from the genesis and transformation of the economic model to the controversial aspects of national and cultural policy, as well as to outline the hierarchy of factors that contributed to the collapse of the country. Historical-genetic and problem-chronological

¹ Маслов Д.В. Проблема соотношения факторов распада СССР

methods were used. The study of the USSR collapse causes was based on methods of classification and hierarchy.

Results. The study of the features of the indigenization policy as part of the national policy of the Bolsheviks, aimed at the formation of the Soviet political nation, allowed the researcher to draw a conclusion about the combination of its positive and negative consequences both for the 1920–1930s and for the entire subsequent history of the USSR. The “Stalinist” economic model, which successfully solved the problem of a modernization breakthrough, was criticized by contemporaries and needed systemic adjustment. Based on the materials of the XVIII Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the XVIII Party Conference and the XVIII Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, we can talk about the request formation for adjustment of the existing economic mechanism. Analysis on a wide source base of archival documents involved in scientific circulation for the first time made it possible to demonstrate the mechanism for solving economic problems closely related to problems of cultural development, confirming that the evacuation of industry, a number of cultural and scientific institutions to the east, including Kazakhstan, became the reason for the accelerated industrialization of the region and at the same time the basis for the emergence of new literary genres, the enrichment of theatrical art and especially the development of cinema.

Analysis of the draft Program of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of 1947 allows, by identifying the unresolved problems of interaction between the individual and the state, to consider them as an important factor influencing the further development of the country.

The solution to the question of the relationship between the causes of the collapse of the USSR according to their significance over the past more than 30 years is not stable. It changes both as a result of updating the source base, but more often as a consequence of the changing socio-political situation and new trends in science itself.

Research implications. The study of the genesis and evolution of the Soviet socio-economic system, problems of national and cultural policy, the hierarchy of factors of the collapse of the USSR on the principles of objectivity and historicism with the involvement of a wide range of sources deepens the understanding of the strengths and weaknesses of domestic catch-up modernization and makes an important contribution to the analysis of the relationship between factors historically significant processes.

Keywords: “Stalinist” economic model, third 5-year plan, materials of the XVIII Congress, transcripts of the XVIII Party Conference, XVIII Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, Kazakh SSR, economic growth, Great Patriotic War, culture, theaters, houses of folk art, literature, TsOKS, cinema, great-power chauvinism, USSR, national politics, Bolsheviks, politics indigenization, local nationalism, centralization, causes, factors, collapse of the USSR, ratio

Acknowledgments. In February 2024, the Center for Socio-Political History hosted the international conference “New facets of topical problems of contemporary history”, within the framework of which the presentation of the collective monograph “Leafing through the pages of history... To the 100th anniversary of the formation of the USSR” was held. The initiative to hold the conference belongs to the State Public Historical Library, Federal State University of Education and the Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov. The participants of the event express their sincere gratitude to the employees of the Center for Socio-Political History E. N. Strukova, I. S. Kuchanov, I. Yu. Novicheno.

Беспятова Е. Б.

**ТРЕТИЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН:
МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПЛАНА И ХАРИБДОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ**

Генезис и развитие «сталинской» экономической модели – это не только история реализации уникальных экономических проектов, это история непрекращающегося поиска оптимальной модели социалистической экономики, гибко реагирующей на приоритеты советской политики.

Использование методологии догоняющей модернизации [21, с. 658] и привлечение широкого круга исторического материала обеспечивают перспективу перехода фрагментарных реконструкций советской экономики к созданию объёмной панорамы хозяйственной политики СССР. Раскрытие потенциала этого поиска требует углублённого анализа ранее известных источников и дополнительного введения в научный оборот документальных свидетельств перипетий догоняющего развития в рамках «сталинской» экономической модели.

Важное значение для эмпирических и теоретических исследований имеет введение в широкий научный оборот материалов XVIII конференции и XVIII пленума ВКП(б), на которых подводились промежуточные итоги выполнения третьего 5-летнего плана и намечались пути решения широкого круга хозяйственных проблем. Однако историография этих событий ограничена тремя публикациями [1; 7; 27]. Заслуживает внимания версия, что данный партийный форум нёс своеобразную «стратегическую нагрузку». С. С. Хижняк и О. В. Хлевнюк обратили внимание на содержание дискуссий, сопровождавших обсуждение итогов 5-летнего плана, и отметили резко критический характер выступлений партийных делегатов. Негативные оценки управления экономикой со стороны собравшихся руководителей касались жёсткой централизации, минимальной

самостоятельности предприятий, снижающейся производительности труда, падения энтузиазма и ослабления творческой инициативы. Не стоит полагать, что на XVIII партконференции обсуждалась задача стратегической модификации экономического курса. Эмоциональные выступления депутатов скорее формировали ситуационную экономическую модель – всем был очевиден факт катастрофического невыполнения плановых заданий. Однако негативная лексика вскрывала недостатки директивного порядка управления и свидетельствовала об определённом осознании ограниченных возможностей созданной хозяйственной системы, невосприимчивой к новаторству.

Делегаты отмечали комплексный характер необходимых мероприятий по оздоровлению экономики и повышению производительности труда: совершенствование планирования, повышение экономического знания, проведения регулярного статистического анализа данных, искоренение «штурмовщины» и «бумажного циклона», соблюдение технологической и трудовой дисциплины. В качестве примера можно привести выступление секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова, задавшего тон критического и конструктивного разбора положения дел в экономике в целом и отдельных отраслях промышленности: «Во многих предприятиях Ленинграда дело с организацией труда всё ещё поставлено неудовлетворительно... Простой, тяжёлым образом отражаясь на работе предприятий, влекут за собой другую крайность – штурмовщину, срыв ритмичности работы предприятий, сверхурочные работы, брак и т. д... Миллион с лишним человеко-часов учтённых простоев и 1.360 тыс. человеко-часов сверхурочных работ по заводам города – являются ярким доказательством неудовлетворительного планирования наркоматами и главками работы наших

предприятий»¹. А также выступление А. Н. Косыгина, назначенного в 1940 г. заместителем Председателя СНК СССР: «Надо отменить порядок оценки итогов работы машиностроительных заводов. Можно считать передовым завод только тот, который выпускает не старое оборудование, а действительно новое, который показывает, что завод не живёт только старым наследством, а двигается технически вперёд»².

Ещё одному важному фактору выполнения плановых показателей было уделено большое внимание – фактору трудовой мотивации, превратившемуся в антимотивационный фактор, который влиял на производительность труда работника, предприятия, отрасли и государственной экономики в целом. Курс на развитие системы материального стимулирования получил продолжение в дискуссиях и решениях XVIII пленума ЦК ВКП(б).

Материалы XVIII съезда, стенограммы XVIII партийной конференции и XVIII Пленума ЦК ВКП(б) позволяют заключить, что в процессе принятия третьего 5-летнего плана и последующего его мониторинга был сформулирован объективный запрос на корректировку механизмов «сталинской» модели.

Наше небольшое эмпирическое исследование допускает признать, что декларируемые советской идеологией достоинства социалистической системы не исключали прагматичную «работу над ошибками» формирующейся советской экономической модели. Вопрос относительно рентабельности советской экономической модели целесообразно исследовать в рамках широкого междисциплинарного подхода, способного приблизить нас к пониманию феномена СССР.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.476. Оп. 1. Д. 2, Л.Л. 9–12.28.

² Там же. Д. 8, Л. 37–38

Лазарева Л. Н.

ФЕНОМЕН «СТАЛИНСКОЙ» СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ВКП (б) 1947 г.

Советский Союз был явлением мирового исторического значения. Его опыт, несмотря на то, что такой страны уже больше 30 лет нет на политической карте, до сих пор актуален и по-прежнему требует осмысления. Прежде всего, потому, что в СССР была реализована значимая для человечества попытка поиска альтернативы «невидимой руке рынка».

В этом году, в связи со 100-летием памяти В. И. Ленина, возобновились острые дискуссии о преждевременности/неизбежности большевистского этапа модернизации³. Для верной «диагностики» факторов, формировавших её «лихорадочный пульс»⁴, представляются важными выводы известного российского историка В. В. Журавлева: асинхронность изменений в различных подсистемах общества, вызванная догоняющим развитием (а не поведенческая «взаимная неуступчивость») сформировала уроки «... всех этапов российской модернизации XX в. в их совокупном воздействии на исторические судьбы страны» [8, с. 10].

Большой эвристический потенциал для выявления всего комплекса причин неудачи советского «проекта» имеет анализ «сталинской» социально-экономической модели. Она сформировалась на рубеже первой и второй 5-леток, пика развития достигла в послевоенное 10-летие, но «скелетом» народного хозяйства СССР оставалась весь отпущенный этой стране срок, несмотря на трансформацию её хозяйственных механизмов под воздействием последовавших реформ.

³ Международная научная конференция «100 лет без Ленина. Теоретическая проекция ленинских идей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=89Fz-i4zIKo&list=PLuUst_YG8FfRsyKszdax1_VXDOUhzvnr (дата обращения: 09.01.2024).

⁴ По меткому выражению д.и.н. В. В. Журавлева.

Взяв на вооружение сформулированный В. В. Журавлевым исследовательский подход к анализу отечественной модернизации, в «сталинской» социально-экономической модели можно вычлени следующие сущностные черты:

– целью её формирования и существования было обеспечение экономического и политического суверенитета страны (безусловно, в трактовке лидеров партии и государства данного исторического периода);

– основным механизмом, сделавшим возможным рывок СССР в число мировых лидеров индустриального развития, позволившим отстоять независимость страны, а также восстановить народное хозяйство вопреки воздействию экономических санкций недавних союзников по антигитлеровской коалиции, была мобилизация ресурсов для приоритетного развития сектора «А»;

– неизбежным следствием выбранной стратегии стала большая социальная цена достижений и невысокий уровень жизни советских граждан.

«Сталинская» модель имела существенные «сбои», проявившиеся в практике хозяйствования [14].

Ключевая особенность, феномен, «сталинской» социально-экономической модели – её неразрывная связь с идеологией (советский «проект» сформировался как попытка воплотить в практику доктрину марксизма-ленинизма). Поэтому экономисты могли лишь составлять перспективные планы реализации концептуальных установок, изложенных в программе партии. Отсюда становится понятной важность анализа послевоенного проекта программы ВКП(б), работа над которым была развёрнута летом 1947 г. Благодаря этому историческому источнику мы имеем возможность ретроспективы формирования долгосрочной стратегии развития страны в рамках «сталинской» социально-экономической модели.

На XVIII съезде ВКП(б), в преддверии грядущих испытаний, И. В. Сталин объявил о формировании программной комиссии, которой предстоит организовать работу над главным партийным документом (т. к. социализм считался уже построенным, требовалось наметить траекторию движения к коммунизму). К реализации поставленной на съезде задачи руководители СССР смогли вернуться лишь после окончания войны.

Обратимся к финалу «мозгового штурма», итоговому проекту, в котором были учтены правки и замечания И. В. Сталина, а также результат обсуждения на заседании программной комиссии ЦК. На данном этапе из четырёх ранее существовавших авторских коллективов был создан «сводный», в его состав вошли философы (П. Н. Федосеев, М. Б. Митин) и экономисты (Л. А. Леонтьев, Д. Т. Шепилов).

Глава «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества» начинается с перечисления сущностных черт новой стадии развития. Сразу же под буквой «А» обозначена его экономическая цель: «...на основе роста производства достигнуто изобилие продуктов и господствует равная обязанность всех трудиться по своим способностям, и равное право всех трудящихся получать за это по своим потребностям, а все труженики общества являются людьми, ведущими вполне зажиточную и культурную жизнь» [23, с. 176].

При приоритете сектора «А», требующийся для достижения поставленной цели высокий уровень потребления, советские обществоведы планировали обеспечить за счёт наращивания темпов развития сектора «Б»: «...сохраняя ведущую роль отраслей, производящих средства производства, резко увеличить объём и повысить удельный вес в народном хозяйстве отраслей промышленности, производящих предметы потребления...» [23, с. 178].

Обеспечить развитие не в ущерб потреблению было невозможно при существовавшей в СССР производительности труда. В итоговом проекте программы ВКП(б) была сделана ставка как на новые технологии, так и на сочетание морального и материального стимулирования интенсификации и улучшения качества труда (борьба с уравниловкой и обезличкой, совершенствование сдельно-прогрессивной оплаты и системы премирования) [23, с. 179].

Кроме того, подчёркивалось, что в качестве «...важнейших экономических рычагов преобразования социалистического общества в коммунистическое» необходимо использовать хозяйственный расчёт, а также повышать роль и значение денег государственного бюджета, кредита, цены, прибыли, поощрять соревнование государственной и кооперативной торговли [23, с. 181].

В итоговом проекте (в отличие от «рабочих» вариантов) основным в алгоритме достижения новой стадии развития общества стал экономический раздел: в нём 20 пунктов, и занимает он почти 2 книжных листа.

«Скромнее» следующая за ним часть, описывающая стратегию преобразований культуры и быта (15 пунктов на 1,5 стр.): с помощью просвещения и образования намечалось добиться, чтобы советские люди стали культурными и образованными. Развитие литературы и искусства (на них возлагалось идеологическое и патриотическое воспитание) ставилось в жёсткие рамки: «...содействовать [...] созданию высокохудожественных произведений, отображающих величие советской эпохи, героизм и благородные черты советского человека...» [23, с. 181].

Завершающим стал раздел «В области политической» (он лишь немного уступал экономическому – около 1,5 книжных листов и 17 пунктов). Условием политического успеха коммунистического строительства авторы проекта програм-

мы определили «укрепление и дальнейшее развитие» государства. В конструировании нового социального устройства общество отодвигалось на второй план: от добровольных общественных организаций требовалось «развивать коммунистическую сознательность», от профсоюзов – вовлекать «в дело строительства коммунистического хозяйства» и содействовать росту культурного и технического уровня рабочих и т. п. [23, с. 183–184].

Итак, анализ проекта программы ВКП(б) 1947 г. подтверждает выводы В. В. Журавлева: установка на «догоняющее развитие» продолжала формировать образ будущего страны, выстраивая алгоритм нового этапа модернизации в парадигме «революции сверху». Повышение образовательного уровня советских граждан (для чего немало сделали большевики) в сочетании с проблемой взаимодействия общества и государства стали базой для формирования предпосылок отказа от социалистического проекта.

Маслов Д. В.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФАКТОРОВ РАСПАДА СССР

В силу того, что в контексте распада СССР называется множество причин, приведших к такому итогу, вопрос о соотношении/значимости тех или иных факторов распада не мог не возникнуть. Подробным образом (насколько это было возможно) вопрос о самих причинах распада Советского Союза был рассмотрен в коллективной монографии «Причины распада СССР: вопросы методологии исследования»¹. Однако тема соотношения факторов была там лишь намечена.

Суть проблемы заключается в том, что разные факторы распада СССР играли

¹ Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.

неодинаковое значение в рассматриваемом процессе. Соответственно, возникает исследовательская задача определить это соотношение или, говоря иначе, иерархию факторов. Решение данной задачи позволит уточнить понимание тех процессов и обстоятельств, которые привели в разное время к краху Советского Союза. Это решение имеет, можно сказать, и общенаучное, теоретическое значение, т. к. проблема соотношения тех или иных факторов возникает в изучении любого масштабного исторического процесса, каковым, безусловно, являлся и распад СССР.

Остановимся подробнее на соотношении факторов внутренних и внешних, объективных и субъективных. Тем более что именно эти 2 пары групп факторов активнее других конкурируют друг с другом в историографии и в общественном сознании.

Выявление факторов начнём с того, что 2 выделенные пары друг с другом вполне пересекаются. Анализ показывает, что сторонники приоритета внутренних факторов в объяснении распада СССР больше склонны к признанию объективных факторов этого процесса. И наоборот, среди тех, кто склоняется к факторам внешним заметно стремление подчеркнуть значимость факторов субъективных. Это, однако, не является «железным правилом». Так, известный американский специалист по советской истории С. Коэн склонялся к факторам внутренним, называя главным из них роль М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина [12 с. 65]. Другие сторонники приоритета внутренних причин называют в их числе фактор «предательства» советской правящей элиты [5]. Встречается и такое, что сторонники приоритета внешних факторов называют в этом качестве складывавшееся веками отторжение России Западом [25]. Ряд исследователей справедливо указывает на то, что факторы внешние могут переходить во внутренние. Так, А. А. Зиновьев отмечал, что влияние За-

пада приводило к изменению стандартов поведения советского человека, что выступало уже в качестве фактора внутреннего [9, с. 439–440]. Поэтому представляется возможным в последующем анализе не рассматривать изолированно факторы внутренние и внешние, объективные и субъективные. От чего же зависит решение вопроса о приоритетности тех или иных факторов?

Среди обстоятельств, определявших выбор специалистов и общества в целом в пользу тех или иных факторов, как показывает практика, можно выделить следующие.

Во-первых, это текущая общественная ситуация – фактор, который к самой истории, как может показаться на первый взгляд, вообще никакого отношения не имеет. Сразу после случившегося в 1991 г. у многих исследователей и обывателей сам факт распада СССР особых удивлений не вызывал. Острый экономический кризис, обострившиеся межнациональные противоречия и конфликты, неспособность Центра и республик прийти к согласию по новому Союзному договору, кризис власти убеждали многих в том, что для краха СССР имелись веские причины объективного внутреннего характера. Тогда они ещё были, что называется, в оперативной памяти участников событий.

Но что происходит далее? В 1990-е гг. ситуация теперь уже в постсоветской России остаётся сложной, переход к рынку оказался гораздо более тяжёлым, чем это представлялось даже его сторонникам. К тому же данный переход сопровождался острым политическим кризисом ветвей власти, отнюдь не закончившимся кровавыми событиями 1993 г. и принятием российской Конституции. К тяжким внутренним обстоятельствам добавлялось падение роли России на мировой арене, что больно ударило по национальному сознанию, привыкшему к образу сверхдержавы. Эти изменившиеся обстоятельства не могли не повлиять на восприятие

существования СССР последних лет и месяцев, которые на фоне последующих событий получали уже не такую негативную оценку, как несколько ранее. Так постепенно формировался миф о прекрасном, но бездумно утраченном Советском Союзе. Тем самым создавалась интеллектуальная почва для умаления внутренних и объективных причин краха СССР. Концепции «удара в спину», «предательства» правящей советской элиты, разрушительной деятельности «агентов влияния» оказывали терапевтическое воздействие на общественное сознание, позволяя заодно отместить и сложные вопросы о глубинных факторах, приведших СССР к печальному концу, равно как и о собственной ответственности за происшедшее.

Отметим и психологические обстоятельства – стремление «назначить» конкретных виновников происшедшего. Отсюда столь характерная для массового сознания (но у исследователей встречающаяся реже) тенденция определить в качестве конкретных виновников, в частности, М. С. Горбачёва за его нерешительность в защите союзного государства или Б. Н. Ельцина за Беловежские соглашения. Примечательно, что в размышлениях о последних нередко превалирует тема потребления алкоголя участниками встречи в Беловежской пуще – очевидно, так многим проще объяснить происшедшее (не ведали, что творили). Многим людям гораздо привычнее ситуация, когда, как говаривал И. Сталин, каждая ошибка имеет фамилию-имя-отчество. Так понятнее, и заодно не нужно напрягать интеллектуальные усилия по поиску более глубоких причин происшедшего.

Естественно, что международные события последнего десятилетия не могли не придвинуть россиян ещё ближе к симпатиям к факторам субъективным и внешним. Резкое обострение отношений России и Запада становилось для многих убедительным свидетельством того, что и в 1991 г. Запад не мог действовать иначе,

как в направлении развала СССР¹. Так же логично, что и любые последующие изменения внутренней и внешней общественной ситуации могут привести и к изменениям в восприятии соотношения рассматриваемых факторов.

Следующим обстоятельством, влияющим на восприятие проблемы, можно считать знаковые обновления источниковой базы. В качестве таковых будем рассматривать обнародование источников, получающих широкий общественный резонанс. Для пояснения этой мысли приведу публикацию в 1995 г. в Минске на русском языке монографии П. Швейцера «Победа», в которой произошедшее с СССР было рассмотрено на обширном фактическом материале, выводящем на первый план направленную против Советского Союза деятельность США [31]. Убедительность информации придавало то обстоятельство, что работа написана американцем по американским же источникам. Не случайно, что редкое исследование о распаде СССР обходится без цитирования работы Швейцера. При этом зачастую игнорируется то очевидное обстоятельство, что Швейцер вовсе не ставил перед собой глубоких научных задач и уж тем более не планировал дать всесторонний анализ всех обстоятельств случившегося с СССР. К сожалению, те источники, которые представляют роль Запада не так однозначно (например, мемуары Д. Буша и Б. Скоукрофта [2]), в поле общественного внимания попадают гораздо реже (исследователей это тоже касается).

Наконец, остановимся на факторах сугубо научного характера, имеющих значение для решения вопроса о приоритете тех или иных факторов. В этом плане значение имеют текущие научные тренды. Так, если в первые после распада СССР годы исследователи чаще были склонны к

¹ В кратком докладе нет возможности подробно останавливаться на конкретном содержании фактора Запада и других внешних факторов распада СССР [5].

анализу совокупности факторов распада СССР, то в ряде исследований последних лет мы можем проследить стремление выявить интегральные факторы распада СССР [17, с. 3–6; 22, с. 90–91]. Интегральность эта во многом снимает остроту противоречия между факторами объективными и субъективными, внутренними и внешними.

Подводя итоги, отметим, что решение вопроса о приоритете тех или иных факторов распада СССР отнюдь не всегда определяется факторами сугубо научными (например, приращением источниковой базы). По наиболее острым общественным вопросам (а распад СССР, безусловно, к таковым относится) немалую роль играет и текущая внутренняя и международная ситуации. А значит, её изменение рано или поздно приведёт к тому, что акценты в освещении проблемы будут неизбежно меняться, что касается и проблемы распада Советского Союза, обречённой на длительное общественное внимание.

Суханова Н. И.

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ В СССР: PRO ET CONTRA

Инструментом строительства советской политической нации стала политика коренизации. В докладе И. В. Сталина на XII съезде партии в апреле 1923 г. были поставлены задачи формирования политической элиты в этнических регионах, где авторитет большевиков ещё не утвердился. Перед центром стояла задача усилить центристские настроения этнических сообществ, сформировать потребности последних к развитию собственного политического, экономического, культурного развития в условиях строящегося социализма. Для решения экономических, социальных и культурных задач в этнических регионах был создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, который формировался за счёт РСФСР. Для успешного

руководства от руководителей всех уровней требовалось знание местного языка и традиций, что было необходимо усвоить за полгода-год. При дефиците кадров эта задача оказалась слабо реализуемой. К тому же отсутствие в региональных языках политической, юридической, деловой, культурной лексики, в ряде случаев даже собственной письменности, осложняли дело.

Ускоренный процесс формирования курсов, комиссий, объединений не решал проблемы. Декларируемые меры реализовывались далеко не везде и не в полном объёме. Так, Татарстан отличался индифферентным отношением к политике коренизации. В Воткинской автономной области (Удмуртия) в течение 1923–1924 хозяйственных годов из 93 зарегистрированных комиссией при облисполкоме безработных удмуртов удалось устроить на работу только 23 человека [4, с.131]. В 1928 г. нацменьшинства стали различать по культурному и экономическому положению. К первой группе относили культурно и экономически отсталые народы (чуваша, мари в Татарской республике и др.). Ко второй – «более культурные национальности», стоявшие в этом отношении выше коренного населения конкретной автономной единицы (русские, украинцы, немцы и др.). Политику коренизации пытались проводить с учётом этих уровней.

На практике коренизацией были затронуты все административные региональные образования – от союзных республик до национальных сельсоветов. Везде местное население настаивало на использовании собственного языка, формируя собственную систему его реализации. Так, попытка украинских поселений во множестве русских регионов – от Москвы до Владивостока – проводить украинизацию натолкнулась на сопротивление на Кубани, где началось движение за кубанизацию [28, с. 571]. Процесс коренизации усиливал местнические настроения, в стране проходили казахизация, киргизизация, узбекизация и т. п.

Свою долю проблем внесло использование кириллицы, арабицы и латиницы в языковой графической основе. Так балкарская интеллектуальная элита создала целых 3 алфавита: 2 – на кириллице, 1 – на арабице. В Дагестане главными были 4 языка, при том, что республику населяло более 30 народов, и у каждого был или свой язык, или диалект. Позицию власти по этой проблеме высказал М. И. Калинин, считавший, что в употреблении нужно оставлять только важнейшие языки [29, с. 120]. Для уменьшения количества языковых групп стала практиковаться идея объединения народов, таких как чеченцы и ингуши, кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы. Вскоре отказ от идеи мировой революции привёл к переходу на кириллицу всех языков СССР. Теперь идеологическая и практическая задачи советской модернизации реализовывались русскоговорящими кадрами.

Еще одной целью коренизации было выравнивание уровней культурного и общественного развития всех народов СССР. В первую очередь, это касалось формирования и развития школ, училищ, техникумов. Эта задача, являясь базовой, содействовала углублению изучения собственных традиций, обычаев и их презентации через музеи, средства массовой информации, литературу, художественное творчество. В регионах создавались педагогические техникумы и институты. В технических вузах преобладали русские. В 1930-е гг. появились НИИ по изучению языка, истории, литературы, музеи, а так же Академии наук союзных республик.

Сложной оказалась проблема формирования местного пролетариата. В аграрных регионах в конце 1926 г. количество заводских рабочих было крайне незначительным: 7 якутов, 81 таджик, 139 киргизов, 306 туркмен, 2 215 казахов, 7 684 узбека [15, с. 207]. Это повлекло за собой перемещение заводов из центральной России в Среднюю Азию, на Кавказ,

национальные республики Поволжья и Зауралья. Национальные пролетарии получали льготы, квоты по устройству в крупных российских промышленных городах. Нередко зарплата местных и русских различалась. Из-за замещения национальными кадрами русских рабочих, практики их устройства в русских городах, заводы становились центрами межэтнической конфликтности, нередко носившей политический характер.

Коренизация содействовала ослаблению влияния русской политической элиты. Это приводило к утверждению на местах собственной этнической трактовки основ большевизма и отходу окраинного истеблишмента от влияния политического центра. При этом девальвировалась русская культура, как «культура угнетателей», которая, по сути, была не только важным объединяющим фактором, но и образцом высокой многоплановой культуры. Из России выкачивались огромные ресурсы, сокращались её модернизационные возможности. Антирусскому противостоянию содействовала и политика коллективизации в аграрных регионах.

В 1930-е гг. политика коренизации приобрела классовый характер, смещая акценты в сторону руссоцентризма. Его суть заключалась в переходе партии от борьбы с «великорусским шовинизмом» к борьбе с местным национализмом, что усиливало этническое сопротивление.

При том, что для формирования единого многонационального государства имелось немало предпосылок, коренизация внесла и негатив в систему советской государственности. Она содействовала политизации этничности, укрепляя, с одной стороны, советские нормы, с другой – формируя собственную политическую, культурную, интеллектуальную элиту. При этом скоростное решение вопросов подъёма всех направлений национальной культуры не всегда увязывалось с глубиной политического осознания их истоков, содержания, сущности у некоторых народов [16, с. 125].

Сложность и противоречивость политики коренизации определялась следующими объективными факторами: низкий уровень развития культуры и грамотности у значительного числа народов СССР, аполитичность рядового населения и непонимание даже местным руководством целей и задач социалистического строительства, отдалённость ряда этносов от центров реализации государственной политики, влияние традиционализма и социальная пассивность, сопротивление духовенства и антисоветских слоёв населения, недостаток средств и ресурсов. К субъективным факторам следует отнести вторичность национального вопроса по отношению к идее мировой революции, миссионерский и мобилизационный характер кампании коренизации, преобладание субъективных факторов над объективными. Этничность была подчинена идее надэтнической (советской) идентичности, которая обеспечивала легитимацию и функционирование централизованной системы управления и господства [18, с. 258]. Принцип вторичности национальной общности по отношению к политико-экономической не содействовал действительному самоопределению народов. Видимо, поэтому активизировалось стремление народов к созданию собственных административных образований.

Шашкова О. А.

**«А ЗНАЧИТ НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА,
ОДНА НА ВСЕХ...»: ЭКОНОМИКА
И КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война остаётся пространством общей памяти для многих бывших республик СССР и, прежде всего, для Казахстана, куда были эвакуированы сотни предприятий и без малого 2 млн жителей страны. Пережитые сообща испытания даже на сложном фоне современности не могут упразднить многовековые традиции и успехи,

достигнутые Казахстаном вместе со всей страной [20, с. 44–46; 30, с. 315–329].

История республики, лежащей на перекрестке дорог в самом сердце Евразии, начала стремительно развиваться именно в XX, по большей части «советском», веке. Однако отсутствие энерговооружённых промышленных объектов вкупе с низкой грамотностью населения вплоть до начала индустриализации не давали возможности привязывать планирование экономики к республиканским границам и мыслить Казахстан отдельным регионом. Лишь строительство первой в республике Хариузовской ГЭС и возрождение связанного с ней Риддера – Рудного Алтая в начале 1930-х гг. изменили ситуацию и позволили затем провести межевание территорий [6, с. 15–16; 26, с. 27–57].

Не только энергетика, но и разведка недр в предвоенный период стала ещё одним приоритетом расширения экономики. Активные геологические изыскания, которые с периода Гражданской войны организовывались в Туркестане Сибирским отделением Геологического комитета ВСНХ, на новом этапе освоения Южного и Центрального Казахстана, исследования залежей угля в Караганде и Экибастузе, эмбенской нефти, полиметаллических руд Риддера, разведка меди в Прибалхашье, свинца в Текели и Каратау – эти огромные по своей трудоёмкости и стоимости работы стали заслугой геологической науки центральной России, давшей начало национальной школе Казахстана.

Разведанные природные ископаемые и карта их размещения к концу 1930-х гг. определили специализацию и место республики в союзно-республиканской системе разделения труда – как перспективной рудно-сырьевой и сельскохозяйственной базы Средней Азии с возможностью создания в будущем предприятий тяжёлой промышленности группы «А».

Эти достижения находились, однако, в сложном соотношении с тенденциями,

которые возникли в ходе политики коренизации [3, с. 43–70]. Инициированная из центра почти одновременно с неясным поворотом от теории «мировой революции», в действительности она стала одним из её проявлений. Педалирование в Казахстане (как и в других республиках СССР) проблемы подготовки национальных кадров в итоге привело к выпячиванию этнического момента. Перекосы национальной политики на местах и потоки «писем во власть» от лишённых земель давних крестьян-переселенцев из центральной России, порождали новые противоречия. По решению центральных партийных органов местные республиканские власти то отменяли арабскую вязь – как «язык Корана и байства», то запрещали кириллицу – «как язык царизма», то внедряли транскрибирование на латинице в знак единства с мировым пролетариатом. Предел экспериментам был поставлен только в 1936 г. после принятия новой Конституции и ликвидации Комитета по коренизации при КазЦИК. Установление в 1940 г. единой для всех советских республик русской транскрипции и признание русского языка как языка межнационального общения открыло путь к развитию всех сфер жизни Казахстана [10, с. 29–32].

Начало войны и массовая эвакуация промышленных предприятий и населения дали резкое ускорение структурной перестройке экономики Казахстана [13, с. 433–457]. Летом-осенью 1941 г. в чрезвычайных обстоятельствах в восточные районы выехало около 1.300 крупных предприятий; более четверти их прибыло в Алма-Ату, Семипалатинск, Чимкент, Караганду, Актюбинск, Петропавловск и др. города. Казахстан принял из Белоруссии, Украины, Крыма, Молдавии, республик Балтики, а также из Смоленска, Воронежа, Москвы и Ленинграда с областями около 1,74 млн человек – рабочих и служащих эвакуированных предприятий. Предприятия прибывали полностью или отдельными цехами, иногда переда-

валось только оборудование, которое дополняло строившиеся на местах с довоенных времён заводы, фабрики. Но чаще всего эвакуируемые производства давали начало новым. Сегодня специалисты сошлись во мнении, что всего за годы войны в республику были эвакуированы полностью или почти полностью около 300 предприятий, которые дали начало почти 470 новым заводам, комбинатам, фабрикам, шахтам и рудникам, в т. ч. Актюбинскому заводу ферросплавов, Текелийскому свинцово-цинковому комбинату, Джездинскому марганцевому комбинату, Джезказганскому комбинату. Одновременно наращивали производство Балхашский медный комбинат, Чимкентский свинцово-никелевый и ряд других.

Трудовые подвиги казахстанцев в тылу совершались вместе с теми, кто ушёл на фронт. Каждый пятый житель республики воевал либо трудился на военном производстве. По современным подсчётам историков, это 1,366 млн человек из 6,2 млн проживавших в республике к 1941 г.; из них почти 601 тыс. казахстанцев погибли в боях [11, с. 107]. За годы войны в регионе сформировали 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии, 7 стрелковых бригад и почти 50 отдельных полков и батальонов разных родов войск. Весь Казахстан воевал и трудился как часть единой страны.

Проблемы реконструкции тех далёких событий на фоне современных метаморфоз историографии приобретают особенное значение, поскольку археографическая база проблемы достаточно скудна – в отличие от обширной и слабо используемой источниковой, преимущественно документов официального происхождения. Их изучение, с одной стороны, задаёт как бы свой ракурс исследования событий – «из окна руководства», и, на первый взгляд, не предполагает «личностного момента». Однако именно благодаря «официозу» видится вся картина становления системы управ-

ления в экстремальной ситуации, когда требование невозможного становится нормой, и, что самое удивительное, «невозможное» в итоге реализуется.

Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления ГКО при союзном Совнаркоме, приказы и информации наркоматов наглядно демонстрируют школу советского управления и планирования: детально прописывают последовательность шагов по реализации и полноценные обязанности всех ведомств, показывают сам механизм работы и согласования решений центра и республики. И почти в каждом документе невооружённым взглядом читается глубокая вера в Победу – когда в период самых ожесточённых боев 1942–1943 гг. планируются, например, показатели электрификации Казахстана в 1946–1948 гг., потребность в строительных материалах или механизмах на 1947 г.

Казахстанский «тыл фронта» стал одной из важных составляющих Победы. Большую роль в становлении военно-оборонной промышленности на востоке сыграла эвакуация в республику так называемых «номерных» военных заводов, история которых пока изучена слабо [24]. Впоследствии эти предприятия дали жизнь новым казахстанским производствам, создавая в итоге свою новую социально-экономическую среду.

Значительную роль в формировании нового облика республиканской экономики играли партийные руководители, которые фактически руководили всеми хозяйственными процессами. При этом их не всегда добровольная «ротация» впечатляет. Так, в Справке Управления кадров ЦК ВКП(б) от 10 марта 1943 г. указывалось, что «только одних секретарей обкомов КП(б) Казахстана за 1943 г. сменилось 22 чел., из них первых секретарей – 5, в т. ч. 4 сняты как не справившиеся с работой и намечены к снятию 4 первых секретаря [...] За период войны сменились 215 (из 225) первых секретарей райкомов и горкомов партии, при этом толь-

ко 31 человек был мобилизован в армию и отозван в освобождённые районы»¹. Симптоматично, что не справившихся с работой чаще всего перемещали на другие должности.

История военной экономики Казахстана – это бесчисленное количество примеров кооперации и установления теснейших связей между самыми различными регионами в экстремальных условиях. Так, в республику срочно перебрасывалось нефтяное оборудование с азербайджанских нефтяных промыслов, дагестанские двигатели, челябинские комбайны, свердловские турбины, ярославские троллейбусы, специализированные уральские станки и оборудование для металлургии, коксохимической промышленности, геологических изысканий. И это не говоря о крайне дефицитных материалах, которые тем не менее выделяли из своих фондов общесоюзные наркоматы: железо, лес, стекло, цемент, прокат и пр. Постановлениями и распоряжением Совнаркома РСФСР и СССР Казахской ССР были переданы, например, для кирпичных заводов в Караганде, Актюбинске, Акчатау оборудование Елецкого, Лосиноостровского, Волоколамского, Карасевского кирпичных заводов. Одновременно Абаильское железорудное месторождение в Южном Казахстане становится основной рудной базой для строящегося Беговатского металлургического завода в Узбекистане, или легированные железные руды Актюбинской области «ставят в порядок дня строительство пятой домны Орского завода по выпуску никелистого чугуна». Только за два первых года войны в народное хозяйство республики было вложено 2,13 млрд руб., а стоимость её валовой продукции возросла с 1,55 млрд в 1940 г. – до 1,9 млрд в тяжелейшем 1942 г.

Огромное значение для жизни Казахстана в тот период имела деятельность Комиссии Академии наук СССР по мобили-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 78, 229–231, 236–241, 243–245, 247–248, 250, 252–258.

зации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Эвакуация многих научных учреждений создала условия для формирования нового научно-образовательного пространства в регионе, стимулировала исследовательскую деятельность на местах, способствовала созданию академических институтов и росту научных кадров. Именно за годы войны благодаря работе почти 260 полевых экспедиций, объединивших усилия московских академиков, сотен инженеров, российских и казахстанских геологов и учёных, был составлен перспективный план освоения природных богатств республики, развития её транспортной сети, сельскохозяйственных баз, который актуален и в XXI в.¹ Если в мирном 1941 г. Казахское геологическое управление проделало объём работ на 24.040 тыс. руб. из средств республиканского бюджета, а бюджет всего КазФАН составлял 3,7 млн руб., то ассигнования на филиал в 1944 г. составили уже 12,4 млн руб.², что было непосильно республиканскому бюджету. Примеров подобной деятельности в истории не существовало.

Значительную роль в жизни тыла в Казахстане играла культура. Годы войны стали периодом становления театрального и музыкального искусства, формирования национальной литературы и кино³. Огромное значение не только для республики, но и всего Советского Союза имела деятельность в 1941–1943 гг. в Алма-Ате Центральной Объединённой киностудии (ЦОКС), организованной осенью 1941 г. на базе эвакуированных в Казахстан киностудий «Мосфильм», «Ленфильм» и только встававшей на ноги национальной студии «Казахфильм». ЦОКС стал главным киноцентром периода войны, выпустив в те труднейшие годы 80% всех кинолент страны. Среди

них были как любимые на фронте и в тылу «Боевые киносборники», мюзиклы «Воздушный извозчик», так и всемирно известные «Иван Грозный», «Парень из нашего города»⁴.

Прямая связь тыла с фронтом осуществлялась и через Фонд обороны⁵, в который жители республики суммарно пожертвовали 4,7 млрд руб. только деньгами [19, с. 61–72]; это и деятельность 15 фронтовых бригад, выезжавших на линию огня, где перед бойцами выступала, в т. ч. выдающаяся казахская певица К. Байсеитова⁶.

Военный период в истории республики был отмечен также таким беспрецедентным событием, как созыв Совещания историков при Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Хотя сами заседания, длившиеся с мая по июль 1944 г., проходили уже в Москве, главная причина созыва этого совещания заключалась в необходимости обсудить неоднозначную концепцию коллективной монографии «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Книга стала итогом усилий 33 специалистов – историков из Москвы и казахских учёных, которые в Алма-Ате создали первый в своём роде беспрецедентный труд, охвативший почти 2.000 лет вплоть до периода социализма⁷. Само Совещание, по сути, обнажило проблему живучести глобальных идей «мировой революции». Вновь повторяя известные штампы о России как «тюрьме народов», уже отвергнутые жизнью лозунги времён Первой мировой войны, продолжая в духе «школы Покровского» поиски «казахского пролетариата» в период глубокого феодализма с чертами общинного строя, монография вновь представляла историю дореволюционной России как беспросветный гнёт, при этом игнорируя охранительные функции

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25. Д. 2677. Л. 9–62, 36–40; 18. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 8. Д. 101. Л. 23–30 об. Л. 23–30 об.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 281. Л. 131–142.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 602. Л. 25–38.

⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13; РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 4. Д. 235. Л. 28–29 об., 36–39.

⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13.

⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 936. Л. 1–13.

⁷ ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 524. Л. 160–160 об.

российской власти, а также роль других держав в регионе (той же Великобритани) и исходившую от них угрозу. Тот факт, что Совещание завершилось безрезультатно (кадровые решения последовали только через 3–4 года), наглядно свидетельствовал о живучести основных идей либеральных интернационалистов в советском руководстве. По сути, отделения национального от национализма не случилось¹.

Поистине тектонические сдвиги в экономике республики в годы войны, совершённые ценой больших затрат общесоюзного бюджета, трудом населения, без разделения на национальности, позволили Казахстану быстро подняться в послевоенный период и встать в один ряд с индустриально развитыми регио-

нами СССР, сопоставимыми с мировыми промышленными центрами. Важнейшим доказательством масштабы подходов к планированию развития всех отраслей республики стало то, что реэвакуация не разрушила сформировавшиеся всего за 2-3 года индустриальные комплексы. Не только в годы войны, но и вскоре после неё Казахстан продолжал давать, например, 85% всего произведённого в стране свинца, 35% меди, 60% молибдена.

История Казахстана в годы войны – это действительно героическая страница жизни нашей страны в чрезвычайных обстоятельствах, приумноживших совокупные усилия.

Дата поступления в редакцию 02.02.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII партконференция: время, проблемы, решения / С. С. Хижняков, О. В. Хлевнюк. М.: Политиздат, 1990. 110 с.
2. Буш Д., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 1994. 502 с.
3. «Все-таки я думаю, Вы на это письмо что-нибудь ответите»: обращения крестьян Казахстана во власть. 1923–1926 гг. / предисл. Д. А. Аманжоловой. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. К 50-летию Центра истории народов России в межэтнических отношениях ИРИ РАН / отв. ред. В. В. Трепавлов. М., 2018. С. 43–70.
4. Воронцов С. В. «Империя положительной деятельности» на примере коренизации в Удмуртии // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: мат-лы науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 126–136.
5. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических республик / С. Н. Бабурин, В. Э. Багдасарян, Л. Г. Ивашов, В. Ю. Катасонов, Д. В. Маслов, С. И. Реснянский, А. О. Степанян и др. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.
6. Ермоленко Г.В., Сапаров М. И. Основные этапы реализации плана ГОЭЛРО // Энергетика. 2020. № 4. С. 15–16.
7. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М.: ВАГРИУС, 2005. 720 с.
8. Журавлёв В. В. Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв. Т. 3. Социалистические партии. М.: РОССПЭН, 2022. 902 с.
9. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004. 608 с.
10. Казиев С. Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в советском Казахстане (1923–1936 гг.). // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2015. № 2. С. 29–32.
11. Кантарбаев А. Т. Вклад Казахстана в Великую Отечественную войну // Битвы и сражения, изменившие ход Великой Отечественной войны: мат-лы конф. / гл. ред. А. Э. Сердюков. М.: Кучково поле, 2014. С. 106–115.
12. Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза / пер. И. Давидян. М.: АИРО-XXI, 2011. 215 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 22–22об., 182–183, 193.

13. Куманев Г. А. О мобилизации экономики Советского государства и ее военной перестройке в первый год Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – июнь 1942 г.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: мат-лы конф./ отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. С. 433–457.
14. Лазарева Л. Н., Беспятова Е. Б. Теория и практика советской экономики (оценка современных, «сталинский» этап) // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / П. П. Марченя, Д. В. Маслов, В. Я. Романченко, И. А. Анфертьев и др. Саратов: ООО «ЦеСА-ин», 2023. С. 92–106.
15. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
16. Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.
17. Медушевский А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–6.
18. Попов М. Е. Социокультурная интеграция и конфликты идентичностей: опыт советскости // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 255–261.
19. Потапов А. В. Вклад восточноказахстанцев в создание Фонда обороны страны // Общественные науки. Тематический сборник. Вып. 5. Алма-Ата, 1964. С. 61–72.
20. Рахимбекова А. К. Колонизация Казахстана: методологические проблемы исторической интерпретации // Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве / редкол. С. И. Берил и др. Тирасполь: Литера, 2009. С. 44–46. .
21. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. / редкол.: И. Н. Данилевский, В. В. Журавлев, А. Б. Каменский и др. М.: РОСПЭН, 2016. 320 с.
22. Смоленский Н. И. История и логика. Проблемы общеоисторической теории и природы исторических понятий. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 184 с. С. 90–91.
23. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.
24. Тихонов С. Г. Оборонные предприятия СССР и России. М., 2010. 605 с.
25. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2002. 608 с.
26. Фаворский В. В., Погорелов К. Я. Энергетика Казахстана. Алма-Ата, 1935. 57 с.
27. Фельдман М. А. «Таинственная» конференция (XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) в фокусе внешнеполитического фактора и индустриального проекта) // Россия и современный мир. 2021. № 1. С. 145–165.
28. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
29. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. М., 2009. 1095 с.
30. Шаблей Л. С. Ценность прошлого и репрезентация исторического знания в Центральной Азии и Казахстане // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 315–329.
31. Швейцер П. Победа. Мн.: СП «Авест», 1995. 608 с.

REFERENCES

1. Khizhnyakov S. S., Khlevnyuk O. V. *XVIII partkonferentsiya: vremya, problemy, resheniya* [XVIII party conference: time, problems, solutions]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 110 p.
2. Bush D., Scowcroft B. *Mir stal drugim* [The world has become different]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1994. 502 p.
3. Amanzholova D. A., ed. [“...Still, I think you will answer something about this letter...”: appeals of the peasants of Kazakhstan to the authorities, 1925–1926]. In: Treavlov V. V., ed. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh. Vyp. 8. K 50-letiyu Tsentra istorii narodov Rossii v mezhetnicheskikh otnosheniyakh IRI RAN* [History of the peoples of Russia in research and documents. Vol. 8. To the 50th anniversary of the Center for the History of the Peoples of Russia in Interethnic Relations of the IRI RAS]. Moscow, 2018, pp. 43–70.

4. Vorontsov S. V. ["Empire of positive activity" on the example of indigenization in Udmurtia]. In: *Sovetskiye natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-ye gody* [Soviet nations and national politics in the 1920s–1950s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014, pp. 126–136.
5. Baburin S. N., Bagdasaryan V. E., Ivashov L. G., Katasonov V. Yu., Maslov D. V., Resnyansky S. I., Stepanyan A. O., et al. [Death of the USSR: factorial foundations of a civilizational catastrophe. On the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2021, no. 4, pp. 6–41.
6. Ermolenko G. V., Saparov M. I. [Main stages of implementation of the GOELRO plan]. In: *Energetika* [Energy], 2020, no. 4, pp. 15–16.
7. Zhukov Yu. N. *Stalin: tayny vlasti* [Stalin: secrets of power]. Moscow, VAGRIUS Publ., 2005. 720 p.
8. Zhuravlev V. V. *Politicheskiye partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX vv. T. 3. Sotsialisticheskiye partii* [Political parties of Russia. Late XIX – early XX centuries. T. 3. Socialist parties]. Moscow, ROSSPEN, 2022. 902 p.
9. Zinoviev A. A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the way to supersociety]. St. Petersburg, 2004. 608 p.
10. Kaziev S. Sh. [Policy of indigenization and problems of interethnic relations in Soviet Kazakhstan (1923–1936 years)]. In: *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity], 2015, no. 2 pp. 29–32.
11. Kantarbaev A. T. [Contribution of Kazakhstan to the Great Patriotic War]. In: Serdyukov A. E., ed. *Bitvy i podklyucheniya, izmenivshiyehod Velikoy Otechestvennoy voyny* [Battles and battles that changed the course of the Great Patriotic War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014, pp. 106–115.
12. Cohen S. "A question of questions": Why did the Soviet Union disappear (Rus. ed.: Davidyan I., transl. «Voprosy voprosov»: *Pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuza*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011. 215 p.)
13. Kumanev G. A. [On the mobilization of the economy of the Soviet state and its military restructuring in the first year of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – June 1942)]. In: Petrov Yu. A., ed. *Rossiyskaya gosudarstvennost: opyt 1150-letney istorii* [Russian statehood: experience of 1150 years of history]. Moscow, In-t rossiyskoy istorii RAN Publ., 2013, pp. 433–457.
14. Lazareva L. N., Bespyatova E. B. [Theory and practice of the Soviet economy (assessment of contemporaries, the "Stalinist" stage)]. In: Marchenya P. P., Maslov D. V., Romanchenko V. Ya., Anfertyev I. A., et al. [Leafing through the pages of history... To the 100th anniversary of the formation of the USSR]. Saratov, TseSAin LLC Publ., 2023, pp. 92–106.
15. Martin T. *Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR. 1923–1939* (Rus. ed.: Shchelokov O. R., transl. *Imperiya «polozhitel'naya deyatelnost». Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 662 p.)
16. Maslov D. V., Lazareva L. N., Sukhanova N. I. *Prichiny resheniya SSSR: voprosy metodologicheskikh issledovaniy* [Causes of the collapse of the USSR: issues of research methodology]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2022. 399 p.
17. Medushevsky A. N. [Perestroika and the causes of the collapse of the USSR from the perspective of analytical history]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2011, no. 6, pp. 3–6.
18. Popov M. E. [Sociocultural integration and identity conflicts: the experience of Sovietness]. In: Matishov G. G., ed. *Natsionalnaya politika i modernizatsiya sistemy upravleniya na yuge Rossii: istoricheskii opyt i sovremennyye vyzovy* [National policy and modernization of the management system in the south of Russia: historical experience and modern challenges]. Rostov n/D, Izd-vo YUNTS RAN Publ., 2012, pp. 255–261.
19. Potapov A. V. [Contribution of East Kazakhstanis to the creation of the Country Defense Fund]. In: *Obshchestvennyye nauki. Tematicheskii sbornik. Vyp. 5* [Social Sciences. Thematic collection. Vol. 5]. Alma-Ata, 1964, pp. 61–72.
20. Rakhimbekova A. K. [Colonization of Kazakhstan: methodological problems of historical interpretation]. In: Beril S. I., et al. *Politicheskaya falsifikatsiya istorii kak prepyatstviye na puti demokraticheskoy reformy mezhdunarodnykh otnosheniy na postsovetском prostranstve* [Political falsification of history as a barrier to the democratic reform of international relations in the post-Soviet space]. Tiraspol, Litera Publ., 2009, pp. 44–46.

21. Danilevsky I. N., Zhuravlev V. V., Kamensky A. B., eds. *Reformy v Rossii ot drevneyshikh vremen do kontsa XX v.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. 320 p.
22. Smolensky N. I. *Istoriya i logika. Problemy obshcheistoricheskoy teorii i yestestvenno-istoricheskikh ponyatiy* [History and logic. Problems of general historical theory and the nature of historical concepts]. Moscow, Izd-vo MGOU Publ., 2013. 184 p. pp. 90-91.
23. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N., eds. *Stalinskoye ekonomicheskoye nasledstvo: plany i razmyshleniya. 1947–1953 gg.* [Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947–1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 647 p.
24. Tikhonov S. G. *Oboronnyye predpriyatiya SSSR i Rossii* [Defense enterprises of the USSR and Russia]. Moscow, 2010. 605 p.
25. Utkin A. I. *Vyzov Zapada i otvet Rossii* [The challenge of the West and Russia's response]. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 608 p.
26. Favorsky V. V., Pogorelov K. Ya. *Energetika Kazakhstana* [Energy of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1935. 57 p.
27. Feldman M. A. [The “Mysterious” conference (XVIII All-Union Party Conference of the CPSU(b) in the focus of the external political factor and the industrial project)]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2021, no. 1, pp. 145–165.
28. *TSK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 1. 1918–1933 gg.* [Central Committee of the RCP (b) – CPSU (b) and the national question. Book 1. 1918–1933]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 784 p.
29. *TSK VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2. 1933–1945 gg.* [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the national question. Book 2. 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1095 p.
30. Shablei L. S. [The value of the past and the representation of historical knowledge in Central Asia and Kazakhstan]. In: Repina L. P., ed. *Istoricheskaya nauka segodnya: Teoriya, metody, perspektivy* [Historical science today: Theory, methods, prospects]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2011, pp. 315–329.
31. Schweitzer P. *Pobeda* [Victory]. Mn.: JV "Avest", 1995. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспятова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета;
e-mail: elena_besp@list.ru

Лазарева Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета, главный специалист Российского государственного архива литературы и искусства;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Шашкова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства;
e-mail: rgali@rgali.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena B. Bespyatova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University;
e-mail: elena_besp@list.ru

Lyubov N. Lazareva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History of the State Unitary Enterprise, Federal State University of Education, Chief Specialist, The Russian State Archive of Socio-Political History;

e-mail: laz_dom@mail.ru

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education, Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University, Chief Specialist, Russian State Archives of Literature and Art;

e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Natalia I. Sukhanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;

e-mail: Sukhanovani@rambler.ru

Olga A. Shashkova – Cand. Sci. (History), Director, Russian State Archives of Literature and Art;

e-mail: rgali@rgali.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новые грани актуальных проблем новейшей истории (материалы круглого стола – презентации монографии «Листая страницы истории... к 100-летию образования СССР» в центре социально-политической истории, 14 февраля 2024 г.) / Е. Б. Беспятова, Л. Н. Лазарева, Д. В. Маслов, Н. И. Суханова, О. А. Шашкова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 58–77.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77

FOR CITATION

Bespyatova E. B., Lazareva L. N., Maslov D. V., Sukhanova N. I., Shashkova O. A. New facets of topical problems of contemporary history (materials of the round table – presentations of the monograph "Leafing through the pages of history... to the 100th anniversary of the formation of the USSR" in the center of socio-political history, February 14, 2024). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 58–77.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-58-77